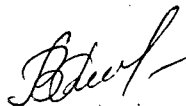

На правах рукописи

Бочарова Виктория Викторовна

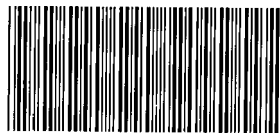
**АГРЕССИЯ И НАСИЛИЕ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ
ФЕНОМЕНЫ**

Специальность 09.00.11 – социальная философия

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

13 ДЕК 2012

Воронеж – 2012

005057204

Работа выполнена в ФГБОУ ВПО «Воронежский государственный университет»

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор
Бубнов Юрий Александрович

Официальные оппоненты: **Борсяков Юрий Иванович**,
доктор философских наук, профессор,
Воронежский государственный педагогический
университет, зав. кафедрой философии,
экономики и социально-гуманитарных
дисциплин

Пархоменко Ирина Тимофеевна,
кандидат философских наук, доцент,
Воронежский архитектурно-строительный
университет, доцент кафедры философии,
социологии и истории

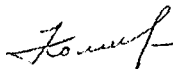
Ведущая организация: Воронежская государственная лесотехническая академия

Защита состоится 21 декабря 2012 г. в 15.00 на заседании диссертационного совета Д 212.038.01 по философским наукам при Воронежском государственном университете по адресу: 394000, г. Воронеж, просп. Революции, 24, ауд. 312.

С диссертацией можно ознакомиться в Зональной научной библиотеке Воронежского государственного университета по адресу: 394000, г. Воронеж, просп. Революции, 24.

Автореферат разослан «16» ноября 2012 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Э.С. Комиссарова

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Актуальность заявленной темы обусловлена следующими обстоятельствами. Исторический опыт конца XX начала XXI вв. дает целую палитру одиозных проявлений насилия: взрывы 11 сентября в США, теракты в Лондоне, Мадриде и Москве, экстремистские выступления исламских радикалов по поводу карикатур на пророка Мухаммеда в прессе Дании, фундаменталистские тенденции в христианстве с не менее радикальными призывами запретить В. Набокова и Г. Маркеса и т.д. Насилие, применяемое в наиболее варварских, примитивных формах, все чаще становится инструментом большой политики. Достаточно вспомнить ужасы «арабской весны» или ядерный шантаж Ирана. Все это со всей очевидностью показывает, что дискурс об этике ненасилия проявил низкую эффективность в предотвращении указанных выше событий, в изменении нравственного климата на планете.

Специфика современной социокультурной ситуации в связи с темой исследования заключается еще и в том, что кризис религиозного сознания в той части мира, которая причисляет себя к христианской культурной ойкумене, превращает заповедь «не убий» в фикцию и условность. Формируется устойчивая установка общественного сознания, согласно которой насилие допустимо и оправдано. Причем, речь идет о наиболее одиозных его формах. Последние, будучи частью медийного пространства, становятся необходимым элементом news making¹. Эффект привыкания к насилию в современном мире обусловлен еще и тем, что в превращенной игровой форме насилие давно стало частью массовой культуры.

С другой стороны, в мусульманском мире происходит радикализация религии и, как следствие, возникает всё тот же эффект привыкания к насилию. Исламский фундаментализм (как фундаментализм вообще) и сопутствующие ему экстремистские тенденции стали инструментами передела мира в условиях прессинга глобальных проблем.

Пролиферация насилия в социальной практике Нового и Новейшего времени означает, что этот феномен не может быть редуцирован к моральному дискурсу и адекватно оценен только через призму последнего. Насилие – это не вопрос этики, но самой человеческой природы. Понимание этого отсылает к необходимости выйти за пределы этических спекуляций, попытаться вскрыть глубинные онтологические основания феномена насилия, имея в виду его социокультурное наполнение, а также закономерности актуализации в социальной практике. Именно под этим углом зрения, как полагает автор, открываются наибольшие эвристические перспективы в изучении феномена насилия, а также, одного из наиболее ярких его проявлений – экстремизма.

Степень научной разработанности темы. Всестороннее исследование проявления агрессии и связанного с ним явления насилия невозможно без ана-

¹ News making (англ.) – создание новостей.

лиза их существенных социокультурных оснований, поскольку только в этом случае можно понять природу и социальное функционирование данного феномена. Именно этим обусловлено достаточно большое количество работ отечественных и зарубежных авторов по философским, культурологическим и ценностным основаниям проявления агрессии и насилия в европейском социокультурном процессе.

В диссертационном исследовании широко представлены работы классиков философской мысли Запада и России, посвященные анализу категории агрессии и насилия в социальной практике. При этом единая позиция по рассматриваемому вопросу у западных и отечественных исследователей отсутствует. Если в трудах Э. Дюркгейма, М. Мосса, Р. Жирара, Ж. Делеза, Ф. Гваттари, С. Жижека, Ж. Деррида агрессия и насилие трактуются как социальные явления, развивающиеся от мифа к трагедии, от всеобщего к учредительному насилию, то в контексте социалистических учений Ж. Сореля, К. Маркса, В.И. Ленина, К. Манхейма, теорий анархизма М. Бакунина, Н. Ткачева, Д. Писарева, П. Кропоткина концепт насилия становится частью социально-политической и антропологической практики XIX-XX веков. В числе концепций происхождения агрессии и насилия особое место занимает позиция Э. Фрейда, изложенная в работах «По ту сторону принципа удовольствия» (1920 г.), «Недовольство анализом» (1930 г.), «Почему война?» (1932 г.), «Конечный и бесконечный каналы» (1937 г.). В данных произведениях утверждается, что категория «насилие» не имеет иных оснований, кроме психологических.

Тема деструктивности в социуме, начиная с периода 1910-1920 годов, исследуется пристально и обстоятельно в сочинениях западноевропейских психоаналитиков и философов – А. Адлера, Э. Фромма, К. Лоренца, Н. Тинбергена, К.Г. Юнга, Ч. Ламздена, Э.О. Уилсона, Р. Коллинза. Феномены массового поведения и групповой агрессии освещались на страницах книг Г. Лебона, С. Московичи, Г. Моска. Культурологи В. Вунд, О. Шпенглер, А. Радклиф-Браун сформировали понимание этнических фобий, способствующих проявлению агрессии и насилия. В разработку теории религиозного конформизма, во многом ставшего основой современных радикальных религиозных движений, существенный вклад внесли труды М. Вебера, Г. Зиммеля и В. Дильтея. А сами эти движения стали объектом исследования крупнейших современных западных социологов религии Э. Вандерхилл и А. Баркер.

Изучению социально-философских аспектов насилия и агрессивности посвящены работы современных российских ученых – Р.Г. Апресяна, В.И. Власова, Я.И. Гилинского, А.А. Гусейнова, В.В. Денисова, В.М. Красикова, А.П. Назаретяна, С.Г. Пилецкого, А.М. Роговского, В.В. Савчук, П.Е. Суслонова, А.Я. Флиера и др.

Агрессия и насилие в контексте таких явлений, как фундаментализм и экстремизм, рассматриваются современными исследователями данной проблемы: Ю.М. Антоняном, О.Г. Бахтияровым, Ф.П. Васильевым, В.П. Журавель,

А.П. Кара-Мурзой, А.С. Петровой, Б.Г. Путиным, А.В. Ростокинским, И.Ю. Сундиевым, М.Я. Яхьяевым и др.

Исходя из всего вышесказанного, автор делает вывод о том, что проблема агрессии и насилия является одной из востребованных. Она актуальна в современном исследовательском контексте. В то же время, определяется недостаточное присутствие в литературе целостного философского анализа данной проблемы.

Объектом диссертационного исследования выступают агрессия и насилие как формы социального поведения.

Предметом исследования являются философские аспекты агрессии и насилия как социокультурных феноменов.

Цель данной работы:

- выявить сущность агрессии и её социальной проекции – насилия, а также специфику их взаимодействия в рамках социокультурной эволюции.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач:

- определить смысловое содержание исходных теоретических понятий «агрессия» и «насилие» в их логической соподчиненности (родовое - видовое);
- осуществить анализ оценок агрессии и насилия в европейском историко-философском процессе;
- рассмотреть особенности антропосоциогенного и социобиологического подходов к пониманию (истолкованию) агрессии и насилия;
- выявить специфику феномена экстремизма как одного из проявлений насилия в современной социокультурной ситуации;
- проанализировать типологические особенности экстремизма в современном обществе.

Методологические основания исследования.

В диссертационном исследовании, посвященном изучению агрессии и насилия как социокультурных феноменов, были использованы следующие методы: историко-философской реконструкции, диалектический, компаративистский, восхождения от абстрактного к конкретному.

Метод историко-философской реконструкции позволил выделить концептуальные модели агрессии и насилия в социокультурном процессе.

Диалектический метод способствовал рассмотрению основных категорий, анализируемых в рамках диссертационного исследования, а также выявлению их соподчиненности.

Компаративистский подход дал возможность осуществить сравнительное исследование социально-философских концепций.

Метод восхождения от абстрактного к конкретному позволил выявить специфику изучаемых явлений и перспективы их проявления в социальной практике.

Применение указанных методов обеспечило возможность исследовать рассматриваемые объекты всесторонне и объективно, выявить определенные тенденции, сделать обобщения и выводы.

Теоретическая база исследования. Существенной стороной в теоретической разработке проблемы насилия является ее осмысление в контексте исторического развития и различных теоретических подходов к данной проблеме. При обобщенном рассмотрении этих трактовок на первый план выходят две линии ученых, сторонников противоположных точек зрения.

Так, говоря о сущности насилия и агрессии, ряд ученых, представляющих позиции эволюционизма (С.Г. Пилецкий, А.М. Роговский, В.И. Красиков, А.П. Назаретян и др.), считают их одним из средств борьбы за общественное развитие. Например, А.П. Назаретян утверждает, что развитие всегда встречает сопротивление, преодолеть которое можно только с помощью агрессии. Отсутствие агрессии означает отсутствие развития, что ведет к возрастанию энтропии системы.

Сторонниками аналогичных взглядов в истории философии являлись Гераклит, Платон, Аристотель, Гоббс, Макиавелли, Гегель, Ницше и др., считавшие насилие решающим средством организации общественной жизни. Другие мыслители (И. Кант, Ф. Достоевский, Л. Шестов, Л.Н. Толстой, М. Ганди, Р. Бэрон, Д. Ричардсон др.) придерживаются более традиционных взглядов на разрушительную природу агрессии и насилия. Они утверждают, что насилие в историческом процессе является неоправданным злом, которое необходимо исключить из человеческой жизни.

Большое значение для теоретической разработки данной проблемы имеют исследования, раскрывающие различные ценностно-смысловые аспекты и показывающие общезначимые основания для ответа на вопросы: соответствует ли современное насилие понятию исторического прогресса; каково будет его состояние в ближайшем и отдаленном будущем; имеются ли мировоззренческие основания для агрессии и насилия в наши дни?

При анализе античного материала использовались тексты Платона, Аристотеля, Цицерона. Классические тексты Дж. Гоббса, И. Канта, Г. Гегеля, К. Маркса, Ф. Энгельса стали основными источниками понимания данной проблемы в период Нового времени. Современное восприятие агрессии и насилия с особой остротой прослеживается в работах Э. Фрейда, Э. Фромма, К. Лоренца, Р. Коллинза. Среди работ, посвященных анализу агрессии и насилия и их реализации в культуре, можно выделить исследования отечественных ученых: Р.Г. Апресяна, О.Г. Бахтиярова, В.И. Власова, А.А. Гусейнова, В.В. Денисова, В.М. Красикова, Е.Д. Мелешко, А.П. Назаретяна, В.В. Савчук, А.Я. Флиера и др.

Научная новизна исследования состоит в следующем:

- выстроено логическое соподчинение понятий «агрессия» и «насилие», а также стоящих за ними социальных феноменов как отношений родового (агрессия) и видового (насилие, экстремизм);
- выявлены онтологические основания насилия и его источника – агрессии, которые коренятся в присущей любой бытийной системе потребности в

экспансии (расширении ресурсной базы) как условия существования и развития этой системы;

- установлено, что насилие является социальным модусом агрессии. Объективный источник насилия – в конфликте интересов социальных субъектов, обусловленном их фактическим неравенством (в аспектах социальной, интеллектуальной и другой нетождественности одного индивида другому) и как следствие – неравенстве их потребностей, масштабов и темпов роста последних;

- доказано, что в основе любой экстремистской идеологии лежит регенерированный архаический мифологический субстрат, в основе которого находится принцип дифференции реальности по признаку «своей-чужой».

Положения, выносимые на защиту:

1. Исходной категорией для исследования феномена насилия выступает агрессия как свойство живой материи. Видовая разновидность агрессии в социальной практике – насилие. Насилие представляет собой актуализацию в социуме присущей всему живому способности к экспансии (расширению ресурсных возможностей), инструментом чего выступает агрессия. Акт насилия предполагает наличие субъекта насилия, объекта насилия. В качестве таковых могут выступать любые социальные структуры (общество в целом, классы, сословия, индивиды и т.д.). В результате насилия происходит отрицание суверенного статуса объекта насилия, его частичное и полное разрушение (деструкция); удовлетворение потребности субъекта насилия либо за счет присвоения отдельных сторон объекта, либо за счет его полного уничтожения; консервация вновь обретенного статуса субъекта насилия; «уплотнение» его бытия.

2. В системе социальных отношений насилие в чистом виде играет роль древнейшего и наиболее примитивного способа разрешения объективно существующего конфликта интересов участников социального процесса. Природа этого конфликта коренится в фактическом неравенстве одного субъекта другому, которое находит наиболее полное выражение в неравенстве потребностей индивидов. Потребности субъектов в полной мере не могут быть удовлетворены за счет внутренних ресурсов человека. В этой связи становится неизбежной коммуникация (социализация), что с необходимостью ведет к использованию для удовлетворения потребностей субъекта ресурсов другого. Если этого не происходит добровольно, принуждение (насилие) становится неизбежным. Насилие становится правовым регулятором общественных интересов, когда мера его применения среди участников социального процесса признается допустимой большинством.

3. Сущность социокультурной эволюции человечества заключается в систематическом вытеснении крайних форм насилия (война, террор, убийства) на периферию социального процесса и замещение их превращенными формами принуждения (право, религия, мораль). Поскольку всегда существует объективное противоречие между постоянно расширяющимися потребностями индивида и наличествующими легальными способами регуляции его взаимоотноше-

ний с другими индивидами ради удовлетворения этих потребностей, с течением времени это несоответствие приобретает характер ярко выраженного конфликта. Легитимные политико-правовые регуляторы перестают восприниматься как эффективный механизм снятия конфликта интересов. Возникает распад социальных связей, их дезинтеграция по принципу «свой-чужой». Регенерация архаичных форм насилия, его делегитимизация в рамках экстремистских течений и движений, в конечном итоге приводят к коллапсу прежней системы политико-правовых связей и ее замене новой.

4. В рамках современной социокультурной ситуации присутствуют, как минимум, две тенденции. Первая связана с ростом терроризма, экстремизма; вторая – с денатурализацией насилия, переходом его в плоскость игровой, развлекательной, виртуальной культуры. С одной стороны, сублимация насилия в рамках массовой культуры является эффективным инструментом снижения уровня социальной напряженности, с другой – возникает своеобразный эффект привыкания к насилию, превращению его в элемент обыденного. Это обстоятельство ведет к росту случаев так называемого немотивированного, спонтанного насилия.

5. Насилие может иметь два основных модуса: экстерниоризированный и интериоризированный. В первом случае экспансия, проявлением которой является насилие, направлена вовне в отношении другой системы. Во втором случае, в силу невозможности усложнения системы за счет использования внешних ресурсов, насилие оказывается направлено внутрь системы, что ведет к утрате ее целостности, деградации и возможному исчезновению.

6. Типологические различия экстремизма, как одного из проявлений агрессии и насилия, формируются вокруг националистических, этнических, религиозных и иных социальных групп, организаций и т.д. и находятся в прямой зависимости от их идеологической платформы. При этом, несмотря на диверсификацию феномена экстремизма в современном обществе, можно говорить о том, что в основе любой экстремистской идеологии лежит архаический мифологический субстрат, основанный на принципе дифференциации реальности по признаку «свой-чужой».

Теоретическое и практическое значение исследования заключается в том, что были выявлены логические основы соподчинения феноменов агрессии и насилия, углублено понимание социокультурной сущности насилия и экстремизма, дан теоретический анализ природы современного экстремизма.

Положения и выводы, изложенные в диссертации, позволяют наметить новые задачи научных исследований по проблеме изучения агрессии и насилия как социокультурных феноменов.

Результаты исследования в дальнейшем могут быть использованы в качестве теоретико-методологической основы для разработки курсов по философии, культурологии, межкультурной коммуникации.

Апробация результатов исследования. Основные теоретические положения и выводы диссертационного исследования были представлены на междуна-

родных научно-практических конференциях «Проблемы и перспективы социально-экономического реформирования современного государства и общества» (г. Москва, 2011 г.), «Система ценностей современного общества» (г. Новосибирск, 2011 г.), «Социальная онтология в структурах теоретического знания» (г. Ижевск, 2012 г.); на межрегиональной научно-практической конференции «Роль гражданского общества в социально-экономическом развитии региона» (г. Липецк, 2007 г.).

Содержание диссертации и опубликованных по теме исследования работ активно используется в учебном процессе при преподавании учебной дисциплины «Философия права» и спецкурса «Философские аспекты принуждения в гражданском праве» в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина».

Структура работы обусловлена целью, задачами, логикой научного исследования и содержит введение, три главы, включающие шесть параграфов, заключение и библиографический список.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во ВВЕДЕНИИ обосновывается актуальность темы диссертации, освещается степень разработанности проблемы, формулируются цель и вытекающие из нее задачи исследования, указываются его методологические основания и научная новизна, обозначается теоретическая и практическая значимость работы, выдвигаются положения, выносимые на защиту, и результаты апробации исследования.

ПЕРВАЯ ГЛАВА «Типологическая характеристика агрессии и насилия» посвящена выявлению онтологических оснований агрессии и ее социального деривата – насилия, а также оценке феномена агрессии и насилия в истории европейской философии. В основном содержании раздела обосновывается тезис, согласно которому насилие, как социальный феномен, укоренено в агрессивности как свойстве живой материи. Онтологическая основа агрессивности (агрессии) обусловлена стремлением любой бытийной системы к экспансии.

В первом параграфе «Феномены агрессии и насилия, их природа и сущность» выявляются сущностные характеристики агрессии и насилия в их диалектической связи. Рассмотрение феномена насилия сугубо в плоскости морального дискурса дает полифонию оценок и часто тавтологические определения этого явления. Данная ситуация во многом есть следствие недостаточности и несамостоятельности самого морального дискурса, его вторичности в отношении к той или иной онтологической парадигме. Единственно адекватным способом разрешения проблемы, связанной с генезисом насилия, его типологических характеристик и роли в социуме, в социально-историческом развитии человечества, по мнению автора, является обнаружение бытийных оснований этого явления. Последнее отсылает к необходимости исследовать феномен на-

силы через призму агрессивности, социальной проекцией которого насилие и является. С точки зрения автора, целесообразно выстроить логический ряд, в котором каждое последующее определение будет видовым в отношении предшествующего – родового. Если следовать этому принципу, то исходной категорией для исследования феномена насилия будет, несомненно, агрессивность как свойство живой материи. Проявлением агрессивности в биосфере Земли является агрессия. Видовой разновидностью агрессии в социальной практике является насилие. Таким образом, насилие – это актуализация в социуме присущей всему живому способности к принуждению (экспансии). Эта способность чаще всего и обозначается как агрессивность. Важно иметь в виду, что если на ранних этапах эволюции агрессия (агрессивность) была поведенческой программой, имевшей целью обеспечение самосохранения и размножения как отдельных особей, так и всего вида, то на продвинутых стадиях эволюции, в частности на стадии антропосоциогенеза, дериват агрессивности, его социальная проекция, т.е. насилие, приобретает новые оттенки и качественное своеобразие. Последнее связано с использованием насилия (принуждения) в качестве мощного и наиболее древнего инструмента регуляции интересов участников социального процесса. Но, несмотря на все качественное своеобразие и социальную обусловленность насилия, между ним и агрессивностью сохраняется генетическая связь. И в том и в другом случае речь идет о функции перераспределения ресурсов внутри некоей общности ради расширения того, что называется «*Lebenswelt*» или жизненное пространство, либо в отношении всего сообщества, либо в части, касающейся отдельных его членов. Свообразным общим знаменателем агрессии и насилия, той объективной основой, на которой функционируют оба эти явления как родовое и видовое, без сомнения является экспансия.

Выше уже отмечалось, что агрессивность (агрессия) является свойством всей живой материи, в то время как насилие есть видовая социальная проекция последнего. В системе социальных отношений насилие в чистом виде играет роль древнейшего и наиболее примитивного способа разрешения объективно существующего конфликта интересов участников социального процесса. Природа этого конфликта коренится в фактическом неравенстве одного субъекта другому. Это неравенство находит наиболее полное выражение в неравенстве потребностей индивидов. Потребности субъектов в полной мере не могут быть удовлетворены, исходя из внутренних ресурсов человека. Необходимость в коммуникации (социализации) в этой связи становится неизбежной и с необходимостью ведет к использованию для удовлетворения потребности одного субъекта ресурсов другого. Если это не происходит добровольно (что весьма редко), принуждение (насилие) становится неизбежным.

Никакой обмен ресурсами не может быть абсолютно паритетным. С течением времени это неравенство результатов обмена (сотрудничества) становится все более выраженным, что ведет к усилению конфликта интересов и необходимости его разрешения в принудительном порядке. Насилие становится правовым регулятором общественных интересов, когда мера его применения среди

участников социального процесса признается допустимой большинством. В результате происходит сакрализация и кодификация насилия, закрепление права его применения за определенным кругом лиц. Именно так возникает государство как аппарат насилия.

Мораль, религия, право не противостоят насилию как его антиподы. Они являются его смягченными и сублимированными разновидностями. Их основная задача заключается в устранении очевидных форм и проявлений конфронтации интересов в обществе через нахождение мирных компромиссных способов взаимодействия индивидов и социальных групп. Но мораль, как и религия, и право не способны устранить главный онтологический источник насилия, коренящийся в фактическом неравенстве людей, их потребностей и интересов, неравенстве их ресурсных возможностей. Стало быть, построение общества на принципах ненасилия остается утопической перспективой.

В истории человечества неоднократно предпринимались попытки решения проблемы насилия, исходя из других приемов и подходов. Одна из таких попыток имела место в России в ходе коммунистического эксперимента. Усилия по разрешению проблемы насилия были главным образом сфокусированы на стремлении решить проблему за счет искусственной стандартизации и унификации индивидов. На практике это ведет лишь к усилению государственного насилия, поскольку последнее широко используется для искоренения различных видов неравенства, их искусственного подавления.

Сущность социокультурной эволюции человечества заключается в систематическом вытеснении крайних форм насилия (война, террор, убийства) на периферию социального процесса и замещение их превращенными формами принуждения (право, религия, мораль).

Наряду с господствующей политико-правовой формой применения насилия, существуют, как минимум, две тенденции, которые в современной социокультурной ситуации набирают обороты и становятся все более и более очевидными.

Первая заключается в радикализации насилия, выведении его из политико-правовых рамок. Эта тенденция связана с ростом терроризма и экстремизма, имеющего подчас откровенно религиозный оттенок. Вторая тенденция связана со своеобразной денатурализацией насилия, переходом его в плоскость игровой, развлекательной, виртуальной культуры, которая теснейшим образом связана с процессом глобализации и возрастающим производством и потреблением массовой культуры. Индивид в рамках массовой культуры обладает поистине неограниченным спектром возможностей для того, чтобы сбрасывать избыток своей агрессивности в игровой и превращенной форме. Это снижает уровень мотивации для него прибегать к откровенным проявлениям насилия в повседневной жизни. Как показывает историческая практика последних десятилетий, сублимация насилия в рамках массовой культуры является весьма эффективным инструментом снижения уровня социальной напряженности. Вместе с тем насилие в своих превращенных формах приобретает обыденный характер,

входит в контекст повседневности. С одной стороны, сублимация насилия в рамках массовой культуры снижает ее коэффициент в социальной действительности, с другой стороны, через превращение насилия в феномен обыденного облегчается переход агрессивности из символическо-виртуальных форм в актуальные.

Насилие укоренено в самой структуре бытия в силу следующих обстоятельств. Бытие как «... всеобщая связь всего сущего»² есть система, имеющая иерархическую структуру и определенность. В рамках физической реальности – это макро- и микромир; в рамках социальной реальности – это отношение индивида, класса, страны, общества; в пространстве экзистенциально-психологического – это отношения сознательных и бессознательных установок и импульсов. Любая бытийная система есть объединение, сцепление элементов. Специфика любой замкнутой системы (природа, социум) заключается в том, что соединение ее элементов может быть достигнуто и сохранено лишь за счет экспансии. Насилие есть проявление экспансии. В стационарном состоянии любая бытийная система с неизбежностью переходит в состояние энтропии.

В результате акта насилия происходит:

- отрицание суверенного статуса объекта насилия, его частичное или полное разрушение (деструкция);
- удовлетворение потребности субъекта насилия либо за счет присвоения отдельных сторон (аспектов) объекта, либо за счет его полного уничтожения;
- консервация вновь обретенного статуса субъекта насилия, «уплотнение» его бытия.

Все это вписывается в гегелевскую формулу: тезис – антитезис – синтез. Как таковое насилие есть выражение базового принципа диалектики – закона отрицания отрицания, способ, с помощью которого антитезис снимает (преодолевает) тезис.

Уровни насилия по степени соподчиненности от родового к видовому составляют:

- онтологический (отрицание отрицания как диалектический закон и базовый принцип развития);
- социальный (насилие как элемент социальной практики и развития);
- экзистенциально-психологический (насилие как эмоционально-волевая установка и действие).

Насилие может иметь два основных модуса: экстерниоризированный и интериоризированный. В первом случае экспансия, инструментом которой является насилие, направлена во вне в отношении другой системы. Во втором случае, в силу невозможности усложнения социальной системы за счет использования внешних ресурсов, насилие оказывается направлено внутрь социальной системы («своей-чужой»), что ведет к утрате ее целостности, деградации и возможному исчезновению.

² Мотрошилова Н.В. Бытие. Работы разных лет: Избранные статьи и эссе. – М., 2005. – С. 139.

Во втором параграфе «Характеристика агрессии и насилия в европейской историко-философской традиции» дается критический обзор и анализ основных концепций агрессии и насилия в европейской философии на основных этапах ее развития: Античность, Новое время, немецкая классическая философия, марксистская теория, русская философская и общественно-политическая традиция.

В контексте развития античной философии проблема насилия рассматривалась главным образом в связи с социально-политическими учениями классиков греческой философии, а также в рамках морального дискурса. Феномен насилия не выносился представителями античной философии как отдельная проблема, достойная рассмотрения.

Античных философов не интересует онтологический фундамент насилия как социального феномена в силу следующих обстоятельств. В рамках развития греко-римской культуры мы не видим сколь-нибудь устойчивой тенденции к истолкованию реальности в модусе изменения, развития. Античный Космос, как мифологический, так и философский, стационарен. Бытие не переходит в ничто и не возникает из ничего. Эта аксиома со времен Парменида стала общим местом в Античной философии.

Допущение противного означало бы возможность перехода Космоса в ничто, прекращение самого существования для греческого сознания – это было немислимо. В силу стационарности космического здания, единственный модус развития, который был допустим и приемлем для греческого философского мышления – это циклизм, повторение пройденного, постоянное воспроизведение раз и навсегда данной парадигмы космического бытия. Истолкование бытия как сферически законченного, совершенного и довлеющего себе, бытия как определенности, ограниченной со всех сторон тем, что ему противостоит, т.е. областью ничто, которое мы находим в традиции античной философии со времен Парменида, не предполагает понимания бытия как конфликта противоположностей. Исключение составляет Гераклит с его знаменитой метафорой относительно войны как матери и отца всего. В античной философской традиции мы не находим сколь-нибудь явных указаний на конфликтную природу бытия. В ней отсутствует понимание последнего как столкновения противоречий. В результате, в Античности нет подлинной диалектики как учения о развитии через борьбу противоположностей, отрицание отрицания. Нет понимания того, что без борьбы и столкновения оппозиции никакое развитие в принципе невозможно. Отсутствие понимания внутреннего механизма развития, которое придет в европейское философское сознание и культуру много позже, в конечном итоге, приводит античное философское сознание к недооценке феномена насилия. Ведь в условиях стационарного, сферически совершенного и законченного бытия, движение и развитие в котором носят исключительно иллюзорный и онтологически неполноценный характер (например, в учении Парменида), нет и не может быть адекватного понимания насилия как социальной проекции отрицания.

В эпоху Средних веков в силу свойственной ей специфики (примат христианского религиозно-философского сознания) проблема агрессии и насилия не рассматривалась отдельно. Более того, средневековая религиозно-философская мысль не выработала самостоятельных концептов агрессии и насилия. Поэтому автор более детально останавливается на анализе новоевропейских традиций в оценке феноменов агрессии и насилия.

Эпоха Нового времени – один из самых сложных и важных периодов в развитии европейской (западной) цивилизации, как известно, была отмечена ростом творчески ориентированного индивидуализма. В контексте этого дискурса проблема насилия, его природа как бы вмонтирована в социально-философскую проблематику. Она не носит самостоятельного характера и рассматривается практически исключительно как одно из важных составляющих эволюции человеческого общества: от диких примитивных доисторических форм его бытия к собственно цивилизованным политико-правовым системам социальной организации, свойственным Новому времени.

Один из наиболее крупных философов того времени, представитель английского эмпиризма Джон Локк (1632-1704 гг.) внес весьма значительный вклад в создание того философского понятийного аппарата, который будет сохранять свое значение на всем протяжении Нового времени, в части, касающейся социальной теории. Локк не рассматривает насилие вне контекста общественно-политической эволюции человечества.

С точки зрения Локка, именно соглашение людей по добровольному ограничению своего произвола в пользу создания механизмов разрешения социальных конфликтов, является тем самым принципиально важным моментом, в рамках которого насилие приобретает свою превращенную форму и переходит из стадии дикости и произвола в стадию легитимизированного принуждения, ради соблюдения установленных человеческим сообществом норм социального общежития. Своеобразная глорификация государства, которую автор находит в теории Локка, является отправной точкой для развития этой темы в дальнейшем в философской традиции Нового и Новейшего времени. Не секрет, что Локк был одним из самых ярких и авторитетных вдохновителей теории либерализма и неолиберализма в части, касающейся обоснования той степени автономии индивида от государственных институтов, которая позволила бы человеку максимально раскрыть свой творческий потенциал и реализовать свою свободу, понимаемую как добровольное принятие неких ограничений, необходимых для сохранения социального мира.

Автор подчеркивает, что единственная форма насилия, которая приемлема для Локка, ассоциируется с политико-правовыми регуляторами социальных конфликтов, фактически, с системой государственного управления. Все иные формы насилия – либо догосударственное, либо тираническое – отвергаются им и осуждаются.

Традиция рассмотрения феномена насилия сугубо в плоскости морального дискурса восходит в Европе к философскому творчеству первого представи-

теля немецкой классической философии Иммануила Канта (1724-1804 гг.). В своей философии Кант был этическим рационалистом. Он стремился интеллектуализировать добрую волю, полагая, что только человек способен поступать согласно повелениям морального закона. По мнению Канта, эта добрая воля абсолютно автономна и независима от каких-либо внешних по отношению к ней воздействий и детерминаций.

С точки зрения Канта, правовое общество – это общество, где осуществляются все как внутренние, так и внешние условия мирного сосуществования свободы. Гарантом обеспечения прав является сила, которая становится условием сохранения мирного положения вещей в обществе. Кант не ассоциирует это «правовое» принуждение с насилием. По Канту, насилие есть не правовое, т.е. не легитимизированное принуждение. Что же касается легитимного, то оно абсолютно необходимо, полезно и целесообразно ради сохранения того самого «вечного мира», наличие которого является необходимым условием реализации кантовского морального императива.

Другой крупнейший представитель немецкой классической философии Георг Гегель (1770-1831 гг.) оценивает насилие в рамках своей философии истории. Ключевым для гегелевского понимания феномена насилия является его указание на решающую роль, которую играет в мировой истории стремление каждого народа установить свою гегемонию. Только таким образом, согласно Гегелю, тот или иной «народный дух» может стать ступенью или моментом в развитии мирового духа и приобрести всемирно-историческое значение. Насилие, с точки зрения Гегеля, таким образом, приобретает тот статус, который делает его неотъемлемым элементом всемирно-исторического развития, одним из существенных проявлений мирового духа. В рамках гегелевской философии констатируется достаточно значимая тенденция онтологизации насилия, которая получила перспективу для своего дальнейшего развития на более поздних этапах в истории европейской философии.

В рамках марксистской философии феномен насилия оценивается как вполне естественная, органичная и даже необходимая составляющая всемирно-исторического процесса. Марксистская теория полностью игнорирует внесоциальную, природно-биологическую обусловленность насилия и сводит истолкование последнего к оценке его роли сугубо в плоскости общественно-исторического развития (прежде всего, классовой борьбы). Историческое развитие человечества, эволюция общественно-экономических формаций – все это обусловлено наличием внутренних противоречий, конфликтов, природа которых блистательно вскрыта и описана в рамках марксистской традиции. Насилие в этом смысле является абсолютно неизбежным следствием всех этих противоречий.

Одним из существенных достижений марксистской теории является указание на то, что с развитием общественно-экономических и политических отношений в обществе, по мере перехода от одной общественно-экономической

формации к другой, снижается коэффициент насилия в его явных, вопиющих, экстраординарных формах.

Пожалуй, главным достижением марксистской философской традиции в оценке насилия следует признать указание на то, что подлинный источник насилия, как социального феномена, заключается в фактическом неравенстве субъектов социальных отношений.

Практически значимую модель истолкования зла (насилия) предлагает классик отечественной литературы Лев Николаевич Толстой (1828-1910 гг.). По мнению Толстого (впрочем, довольно бесосновательному), общим для всего человечества религиозным законом является стремление для обретения блага всех для взаимного служения, а не удовлетворение индивидуальных потребностей. Однако реальная жизнь людей оказалась основанной не на взаимном служении, а на насилии, которое они оправдывали необходимостью угрозы и возмездия. С точки зрения Толстого, зло и, как следствие, насилие являются своеобразным извращением христианской любви. Извращение это находит свое проявление в виде грехов. Противодействием этой негативной установки предлагается (как для каждого конкретного человека, так и для всего человечества в целом) единственная общезначимая максима: исполнять закон Бога, т.е. жить в любви со всеми, любить Бога, любить всех как братьев своих.

Проповедь философии «непротивления злу насилием» оказалась чрезвычайно важной для развития радикальных, экстремистских течений в русской общественной жизни кануна падения самодержавия, поскольку парализовала волю к сопротивлению той части русской интеллектуальной элиты, которая могла противодействовать росту экстремистских настроений в тогдашнем российском обществе. С другой стороны, сама категоричность, с которой Толстой, как и любой другой апологет философии ненасилия, предлагает его в качестве альтернативы тому устройству общества, которое в конечном итоге строится на принципах легитимизированного насилия, сама по себе оборачивается не чем иным, как превращенной формой последнего. Философия ненасилия (и Толстой тому, пожалуй, одно из убедительных подтверждений) с необходимостью порождает принцип политкорректности, диктат толерантности, что по сути является разновидностью все того же пресловутого насилия, с которым эта философия изначально вроде бы призвана бороться.

В качестве своеобразной антитезы толстовству выступает русское революционно-освободительное движение, в рамках которого проблема насилия теснейшим образом ассоциирована с характерной для этого социального феномена тенденцией к нигилистическому отрицанию прошлого. Теоретическое оформление этой тенденции мы находим в трудах таких выдающихся представителей леворадикальной российской интеллигенции как, например, Дмитрий Иванович Писарев (1840-1868 гг.). Большинство представителей русского революционно-освободительного движения, настроенных нигилистически в отношении культурных, социально-экономических и политических аспектов прошлого, была свойственна убежденность в том, что возможно и допустимо осу-

шестьвить некий исторический скачок, быстрый переход от одного к другому этапу в развитии культурно-исторического процесса. В отношении прошлого было совершено тотальное и бескомпромиссное жертвоприношение, основанное на нигилистической идее, что образно выразил в своей работе «Речи бунтовщика» (1921 г.) лидер русских анархистов Петр Алексеевич Кропоткин (1842-1921 гг.).

Кульминацией процесса реабилитации насилия в его экстремистских, весьма экстравагантных формах можно считать деятельность революционера-карателя, главного «беса» Российской Империи, основавшего в Петербурге и Москве революционное «Общество народной расправы» Сергея Геннадиевича Нечаева (1847-1882 гг.).

Феномен русского нигилизма заслуживает отдельного и детального изучения, но в рамках данного диссертационного исследования, как полагает автор, можно ограничиться следующим замечанием. Влияние западной нигилистической традиции, связанной с именами М. Штирнера, Ф. Ницше, К. Маркса и др., на становление русского нигилизма трудно переоценить. Тем не менее, ключевым фактором в эволюции последнего стоит считать специфику самой русской культуры, тот мировоззренческий подтекст, который формировался как результат сложного взаимодействия различных факторов: от природно-климатических и географических, до этнических и языковых. В результате чего возник тот архетип, та парадигма культурного бытия русского человека, в рамках которой насилие не только присутствует весьма широко и отчетливо, но и воспринимается как почти неизбежное и даже необходимое, как на уровне повседневной жизни обыденного сознания, так и (что весьма важно в том числе и для современной социокультурной ситуации) в контексте социально-экономической и политической жизни в системе государственного управления.

ВТОРАЯ ГЛАВА «Проблема исследования феноменов агрессии и насилия в социально-философском дискурсе» посвящена анализу наиболее существенных социально-философских подходов к изучению феноменов агрессии и насилия. В данном разделе акцент делается на тех особенностях антропосоциогенного и социобиологического подходов, которые являются решающими для адекватного понимания агрессии и насилия как неотъемлемых элементов антропосоциогенеза с учетом сильных и слабых сторон каждого из этих подходов.

В первом параграфе «Анализ антропосоциогенного подхода и его достижений в изучении агрессии и насилия» дана характеристика основных особенностей и достижений данного подхода.

Специфика антропосоциогенного подхода к истолкованию феномена насилия, его происхождения и сущности заключается в том, что основной акцент в анализе этого феномена делается на сугубо социальной его обусловленности, протекающей из особенностей взаимодействия индивидов в рамках социального процесса.

Важным в этой связи является вывод о том, что та форма человеческого бытия, которая традиционно ассоциируется с тем или иным культурно-историческим типом цивилизации, стала возможна как результат своеобразной канализации (трансформации) насилия как естественного, природного, дикого состояния человека в докультурную эпоху. Переход от животного состояния к человеческому, от варварства к цивилизации сопряжен с преодолением наиболее одиозных, примитивных, диких форм насилия, которые подвергаются табуированию и становятся отвратительными. Чтобы это стало возможно, необходимо иметь в виду то, что потребность в насилие должна восприниматься как недопустимая большинством участников социального процесса. Данная возможность появляется тогда, когда происходит своеобразное замещение объекта насилия его символическим двойником или аналогом («козел отпущения»), наличие которого позволяет как бы снять избыточную напряженность агрессивности в развивающемся социуме и снизить потенциал неприятия друг друга среди участников социального процесса.

Чрезвычайно важное наблюдение, сделанное в рамках социогенного подхода и выводящее понимание феномена насилия на онтологический уровень, заключается в том, что человеческое сообщество как любая система подвержена закону энтропии в такой же мере, как ей подвержена система как таковая. Иными словами, структурированное общество рано или поздно оказывается в ситуации угасания и дезинтеграции тех своих структурообразующих элементов или форм, с помощью которых существует цивилизация. Жертвоприношение, обеспечивающее ситуацию «гражданского мира», является тем необходимым условием, при котором сообщество людей обретает структуру. Какое-то время этого мира хватает для существования и развития структуры, но в силу наличия энтропийных тенденций структура начинает разрушаться по мере угасания способности к экспансии, и в результате общество оказывается перед лицом нового кризиса.

В рамках социогенного подхода к истолкованию феномена насилия вырисовывается следующая его схема, носящая циклический характер. Первобытное насилие порождает необходимость его трансформации, в результате чего возникает феномен жертвы и жертвоприношения. Итогом жертвоприношения оказывается новое качество социального организма, возникает общество как система (структура), в рамках которого насилие подавлено и обретает приемлемые формы и рамки применения.

Универсальным средством взаимобмена в условиях архаической социальности было дарение. Ключевая характеристика дарения заключается в компенсации в качестве ответного дара. Дарение лишь формально считалось добровольным. По сути своей имелись некие неявные формы принуждения к ответному дарению, что обеспечивало, в конечном итоге, паритетный взаимобмен. Можно вывести своеобразную, универсальную формулу взаимобмена, которая состоит из трех стадий (компонентов): давать, брать и возмещать. При этом смысловое ударение делается на последнем. Разрушение этой триады вле-

чет за собой возникновение социального конфликта, противостояние вовлеченных в него сторон, которое всегда сопряжено с насилием в той или иной форме и, подчас, приобретает откровенно вопиющий характер, вплоть до объявления войны.

Одно из наиболее существенных наблюдений в рамках данного социально-философского подхода касается того обстоятельства, что мистическое, сакральное наполнение акта дарения, свойственное архаическому сознанию, с течением времени обретает определенные превращенные формы. Оно трансформируется уже в контексте исторической жизни того социокультурного процесса, который сопряжен с позднейшими этапами развития человеческой социальности. Вместе с тем не утрачивает тот исходный алгоритм, который был характерен для архаического этапа антропосоциогенеза. Суть этого алгоритма остается неизменной: любой акт дарения предполагает компенсацию на паритетной основе. В какой бы форме не происходил акт дарения, эта схема остается неизменной основой социального компромисса, сохраняющего свое значение и в условиях товарно-денежных отношений.

Таким образом, взаимообмен во всем многообразии его форм и проявлений можно считать наиболее эффективным инструментом разрешения конфликта интересов в социуме, наиболее действенным способом преодоления тех варварских, диких форм насилия, которые предшествовали культурному бытию человека.

Во втором параграфе «Характеристика социобиологического подхода к истолкованию агрессии и насилия» рассматриваются основные аспекты изучения агрессии и насилия, предложенные в трудах Э. Фрейда, К. Лоренца, Э. Фромма.

В исследовании отмечается, что в рамках «социобиологического» подхода к изучению феномена насилия не встречается анализ последнего в «чистом виде». Для сторонников этого подхода насилие — эпифеномен, модус агрессивности как свойства всего живого. Но с точки зрения автора ценнее другое — сама агрессивность, в интерпретации представителей данного направления, есть лишь свойство (проявление) гораздо более фундаментального качества живой материи, а именно ее способности к деструкции. Следует иметь в виду, что агрессия и насилие есть способ проявления последней, ее инструмент.

Провозвестником этой идеи по праву считается Зигмунд Фрейд (1856-1939 гг.). Стоит иметь в виду, что в оценке самого Фрейда борьба между Эросом и Танатосом составляет сущность и движущий момент существования как такового. Второе, на что стоит обратить внимание, заключается в его указании на глубочайшую диалектическую связь двух этих импульсов, которые перекликаются тесно и столь многопланово взаимодействуют, что их дифференциация и разведение по разные стороны онтологической баррикады не всегда представляются возможными.

В высшей степени эвристично выглядит указание Фрейда на то, что эротизм как сила пролиферации, консервации, репродукции жизни является ничем

иным, как обратной стороной деструктивно-танатологического влечения всего живого. Оказывается, что любовь (Эрос) просто нуждается в жертвоприношении другого ради того, чтобы повысить либидозный коэффициент участников социального процесса, которые, принеся в жертву изгоя, начинают «дружить против него». Жертвоприношение преступника как акт социально санкционированного насилия не только способствует росту либидозного коэффициента и парадоксальным образом укрепляет любовь объединившихся против жертвы участников социального процесса, но доставляет им и определенную порцию наслаждения, ту фундаментальную особенность деструкции, которая сопряжена с садистскими проявлениями. Таким образом, оказывается, что лежащий в основе человеческой культуры Эрос не только провоцирует инстинкт смерти (Танатос), но и актуализирует его, чаще всего в отношении изгоя, маргинала, преступника, жертвы.

Более обстоятельную концепцию происхождения агрессии и насилия предлагает знаменитый этолог Конрад Лоренц (1903-1989 гг.) – лауреат Нобелевской премии по физиологии и медицине (1973 г.) (совместно с Карлом фон Фришем и Николасом Тинбергеном), автор широко известной книги «Агрессия (так называемое "зло")» (1963 г.).

Для понимания концепции К. Лоренца принципиально важное значение имеет его указание на то, что он не видит никаких оснований для того, чтобы вычлнить человека, как вид *Homo sapiens* из контекста живой природы. Человек для Лоренца является одним из бесконечного множества видов, столь же подверженным эволюционным закономерностям, сколь и все другие представители живой материи.

Появление у человека абстрактного мышления и речи лишь стимулировало процесс перехода инстинкта агрессии в новое качество, свойственное человеческой социальности, а именно в насилие, поскольку человек получил уникальную возможность применять последнее в отношении представителей своего собственного вида, в силу тех интересов, которые далеко выходят за рамки природной необходимости. У человека плохо развито сдерживающее начало и как результат – весьма широкий спектр применения насильственных действий в отношении себе подобного.

Пожалуй, один из самых главных выводов, которые делает Лоренц в связи со своей оценкой феномена агрессивности и насилия применительно к состоянию человеческого общества, заключается в необходимости находить адекватные выходы для деструктивных импульсов ради снижения общего коэффициента агрессии и насилия в социуме. В качестве предлагаемых вариантов рассматривается использование эрзац-объектов, которые позволяли бы отводить деструктивные импульсы от представителей того же вида.

Своеобразной попыткой синтеза «социобиологического» и «социологического» подходов к осмыслению феномена насилия стала теория деструктивности («злокачественной агрессии») виднейшего представителя неофрейдизма Эриха Фромма (1900-1980 гг.). В целом для его методологической установки

характерен систематический отказ от примата физиологизма в истолковании агрессии. С его точки зрения, человек обладает гораздо большим потенциалом наращивания деструктивности по мере развития цивилизации, чем любой иной представитель животного мира. Ключевая дифференциация типов агрессивности, которая им предлагается, сводится к различению «доброкачественной агрессии», заключающейся в своеобразной реакции индивида на внешнюю по отношению к нему угрозу и агрессии «злокачественной». Если первая призвана сохранить жизнь во всех ее формах и проявлениях и тем самым носит приемлемый, охранительный характер, то вторая безоговорочно осуждается Фроммом, как своеобразная перверсия, проявляющаяся в актах немотивированного насилия и деструктивности, имеющих самый широкий диапазон. При этом Фромм отмечает, что «злокачественная агрессивность» доставляет человеку высокую степень психоэмоционального удовлетворения, составляет важную особенность характера людей. Фромм склонен полагать, что стремление уклониться от опасности любой ценой составляет гораздо более существенную особенность человека, чем преувеличенная склонность к агрессивности. Распространение явлений, которые могут быть сгруппированы вокруг метафоры «злокачественная агрессия» связаны с неким отклонением в цивилизационном развитии человечества, которое произошло на рубеже IV-III тысячелетия до н.э., когда было совершено драматическое открытие того, что сам человек может быть орудием труда, т.е. может быть подвергнут эксплуатации. В результате возник тот тип цивилизации (культуры), который обеспечил наиболее благоприятные условия для развития «злокачественной агрессии» (деструктивности) и превращение последней в доминанту культуры.

С точки зрения автора, очевидна логическая ошибка этого построения. «Злокачественная агрессивность» индивида не есть продукт плохого социума. Но условия бытия последнего, стало быть, первичны в том смысле, в каком биологическое всегда первично по отношению к социальному. Концепция Э. Фромма грешит явной избыточностью в отношении социогенных аспектов деструктивности. Переоценка социального фактора как первичного в создании основ и развитии «злокачественной агрессивности» здесь очевидна. Фромм игнорирует вторичный характер фактора социальности в отношении природно-биологического, считая, что последний не включает в себе врожденной склонности человека к деструктивности и может быть подвергнут столь масштабной коррекции со стороны социальных структур, что станет возможным говорить о радикальном изменении самой природы человека (преображении). Фромм не видит объективной и необходимой природы эксплуатации, проистекающей из фактического неравенства членов любого человеческого сообщества.

Автор делает вывод о том, что «антропосоциогенный» подход позволяет сделать всесторонний анализ насилия как ключевого фактора антропосоциогенеза, в результате которого сущность цивилизации определяется как сублимации насилия.

«Социобиологический» подход обеспечивает исчерпывающее понимание психобиологической подосновы насилия, коренящейся в агрессивно-деструктивных импульсах человека как вида *Homo sapiens*; несмотря на разную степень категоричности суждений на эту тему, природно-биологическая обусловленность насилия может считаться доказанным фактом.

ТРЕТЬЯ ГЛАВА «Экстремизм как одно из проявлений агрессии и насилия в современном обществе» посвящена рассмотрению экстремизма как одного из наиболее значимых проявлений агрессии и насилия в современной социальной практике. В основном содержании раздела обосновывается положение, согласно которому экстремизм есть разновидность насилия, возникающая в ситуации, когда легитимные регуляторы общественной жизни (политико-правовая система) не справляются с разрешением конфликта интересов в социуме.

В первом параграфе «Природа и сущность современного экстремизма» выявляются сущностные характеристики и особенности современного экстремизма.

В современной философской и публицистической литературе термин «экстремизм» встречается так часто, что по существу оказывается общим местом.

Расширительное толкование этого понятия, которое нередко встречается как в научной, так и в публицистической литературе и, в целом, в рамках широкого социально-политического дискурса как в России, так и за рубежом, приводит к тому, что в понятие «экстремизм» включают такие явления, которые, хоть имеют родственный по отношению к нему характер, тем не менее, составляют отдельные аспекты современной социальной практики. В результате понятие «экстремизм» превращается в ярлык, и всякий обстоятельный философский дискурс относительно его сущности оказывается серьезно затруднен.

Экстремизм, безусловно, есть явление критического порядка, но критическое состояние общества и попытка разрешения этого конфликта и противоречия вовсе не означает некую социально-историческую инверсию. В экстремистских проявлениях нужно усматривать стремление к выходу на новые, более перспективные уровни разрешения социальных проблем, попытку выстроить новые механизмы социальной регуляции, более эффективные в сравнении с предыдущими.

Говоря о специфике мифологического субстрата, лежащего в основании любого экстремистского действия, с точки зрения автора, чрезвычайно важно иметь в виду следующее. Появление интереса к такой мифологии, ее распространение в социальных группах, либо в обществе в целом, есть наиболее убедительный симптом неэффективности той легитимной (ортодоксальной) системы социально-политической регуляции конфликта интересов участников социального процесса, которая входит в противоречие с потребностями последних и подвергается деструкции с их стороны. Будучи разновидностью радикализма, т.е. такого вида социальной деятельности, которая направлена на радикальное

изменение положения вещей в существующей социальной системе, экстремизм следует отличать от схожих социальных явлений, к числу которых, например, относятся фундаментализм и терроризм.

Сущность экстремизма во всех его разновидностях и проявлениях заключается в инверсии к долегитимным формам и способам использования насилия для разрешения объективно-существующего конфликта интересов участников (субъектов) социального процесса. В качестве таковых могут выступать индивиды, социальные группы, классы, партии, религиозные общины и т.д. Появление экстремистских настроений есть симптом неспособности наличествующих механизмов социальной регуляции эффективно разрешать отмеченные выше конфликты интересов, гармонизировать способы и формы удовлетворения потребностей участников социального процесса, разрешать в сугубо правовом пространстве постоянно возникающие проблемы из-за фактического неравенства ресурсных возможностей и потребностей социальных субъектов. Появление экстремистских настроений, их рост, последующее идеологическое оформление и придание этим настроениям организованной структуры, в конечном итоге, свидетельствует о кризисе в обществе, о насущной потребности к переходу к новым формам и способам регуляции конфликта интересов, к воссозданию легитимности на новой политико-правовой основе. Экстремизм – это идеологически обеспеченное применение нелегитимных форм насилия для достижения социально значимых целей со стороны индивидов или социальных групп в условиях, когда наличествующая социально-экономическая и политико-правовая система регуляторов конфликта интересов участников социального процесса перестает быть эффективной и утрачивает возможность для легитимного разрешения социальных противоречий.

Во втором параграфе «Типологические особенности экстремизма в современном обществе» дается анализ основных разновидностей экстремизма в современном социокультурном контексте. В частности, обосновывается тезис, согласно которому экстремизм – это инверсия к одиозным формам насилия и симптом деградации общества как системы. В рамках этого процесса происходит возвращение к архаическим формам дифференциации по принципу «своей-чужой».

Одной из существенных разновидностей экстремизма в современной социокультурной ситуации является экстремизм религиозный. Именно он провоцирует применение наиболее одиозных форм насилия в отношении оппонентов. Один из ярких признаков усиления экстремистских тенденций в рамках той или иной конфессиональной системы – это все более часто раздающиеся призывы к навязыванию своих догм, постулатов, норм и стереотипов поведения; всяческое педалирование темы своей исключительности, исключительного монопольного права на истину, на правильную интерпретацию Бога и его послания человечеству. Эти призывы обычно идут рука об руку с утверждением о необходимости некоего «очищения», ради приготовления к грядущему концу света, апокалипсису или к какому-либо иному катастрофическому событию того же порядка.

Распространение этих измененных состояний сознания в рамках тех или иных экстремистских движений религиозного характера ведет, фактически, к блокированию логико-аналитических способностей сознания индивида в оценке происходящего, подавлению личностного оценочного восприятия реальности и торжеству *das man* сознания, степень жертвенности которого и готовности принести эти жертвы, вплоть до отказа от собственной жизни, подчас, шокирует; равно как и склонность к тому, чтобы искать и находить себе духовных вождей, гуру, лидеров всякого рода и слепо следовать за ними.

Отвечая на вопрос о том, почему именно религиозная разновидность экстремизма оказывается наиболее распространенной и одновременно наиболее опасной как в современной России, так и для остального цивилизованного мира, автор приходит к следующему выводу: религия является универсальным способом конституирования себя как самости, обладающей высокой степенью самобытности в отношении иного, чужого, в отношении оппонента. Иными словами, в рамках религиозного сознания гораздо легче провести дифференциацию по линии «свой-чужой», чем в рамках любой иной формы культуры.

К религиозному экстремизму примыкает и теснейшим образом с ним взаимодействует экстремизм политический. Он стал особенно актуален в контексте современной социокультурной ситуации, в том числе и в России. Традиционно в рамках этого явления просматриваются две тенденции: левый политический экстремизм и правый. В ситуации резкого обострения социальных конфликтов и противоречий, которые не могут быть эффективно разрешены в рамках наличествующей политико-правовой системы, лозунги ниспровержения любых форм эксплуатации, неравенства, подавления индивидуальности становятся особенно популярны.

Что касается правых экстремистских политических организаций, то здесь выражен иной аспект: тяга к порядку и организации выступает в данном случае в качестве своеобразной антитезы тому обществу шлютократов, которое правые экстремистские организации пытаются ниспровергнуть. Если посмотреть на их идеологию и мифологическую подкладку последней, то легко заметить то общее, что объединяет все эти правые экстремистские организации. В конечном итоге, речь идет о том или ином ограничении прав и свобод личности в пользу организации, структуры, партии; подавление личного интереса за счет культивирования «МЫ-сознания».

Автор делает вывод о том, что философский анализ явления экстремизма позволяет определить понимание главного в отношении адекватной оценки данного феномена. Экстремизм – это всегда следствие, а не причина. Радикализация общественного сознания, появление всякого рода экстремистских партий и организаций, распространение экстремистских идеологий, символики, эстетики – все это, в конечном итоге, обусловлено главной причиной: наличествующая система социально-экономических, политических и правовых регуляторов в обществе неэффективна для позитивного, мирного разрешения объективно

существующего конфликта интересов тех людей, которые вовлечены в социальный процесс.

Реально эффективная антиэкстремистская деятельность государства может иметь место лишь в том случае, если будет осуществлен мирный демонтаж неэффективных политико-правовых регуляторов общественной жизни и их последовательная замена новыми.

В ЗАКЛЮЧЕНИИ диссертационного исследования подводятся итоги, обобщаются достигнутые результаты, формулируются выводы и определяются перспективы дальнейших разработок по данной тематике.

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях автора:

Научные статьи в журналах, рекомендуемых ВАК РФ:

1. Бочарова В.В. Философские аспекты изучения проблем насилия и агрессии в современном обществе / В.В. Бочарова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2012. №2 (16): в 2-х ч. – Ч. II. – С. 27-30 (0,25 п.л.).
2. Бочарова В.В. Природа и сущность насилия / В.В. Бочарова // Образование. Наука. Научные кадры. 2012. – №2. – С. 173-177 (0,4 п.л.).
3. Бочарова В.В. Насилие как социальный феномен в интерпретации Рене Жирара / В.В. Бочарова // Философия и культура. – 2012. – №5(53). – С. 29-33 (0,4 п.л.).

Публикации в других изданиях:

4. Бочарова В.В. Формирование и реализация государственной политики борьбы с экстремизмом во взаимодействии с гражданским обществом / В.В. Бочарова // Роль гражданского общества в социально-экономическом развитии региона: сборник материалов межрегиональной научно-практической конференции, Липецк, 15 июня 2007 г. – Липецк: Типография ЛГТУ, 2007. – С. 104-107 (0,2 п.л.).
5. Бочарова В.В. Молодежный экстремизм в РФ: факторы возникновения и проблемы противодействия / В.В. Бочарова // Вестник ЕГУ им. И.А. Бунина / Серия «Право». 2010. – Вып. 26. – С. 212-218 (0,3 п.л.).
6. Бочарова В.В. Феномен насилия в рамках софистического дискурса V в. до н.э. / В.В. Бочарова // Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики. Серия - Гуманитарные науки. – 2011. – №4. – С. 80-85 (0,45 п.л.).
7. Бочарова В.В. Концепт «насилие» как объект онтологического исследования российского общества / В.В. Бочарова // Проблемы и перспективы социально-экономического реформирования современного государства и общества: материалы V международной научно-практической конференции, Москва, 30 декабря 2011 г. / Науч.-инф. издат. центр «Институт стратегических исследований». – М.: Спецкнига, 2011. – С. 125-130 (0,3 п.л.).

8. Бочарова В.В. Онтологические основы насилия / В.В. Бочарова // Система ценностей современного общества: сборник материалов XXI Международной научно-практической конференции, Новосибирск, 31 декабря 2011 г. / Под общ. ред. С.С. Чернова. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2011. – С. 7-11 (0,3 п.л.).

9. Бочарова В.В. Исторический опыт российского леворадикального движения рубежа XIX-XX вв. для оценки современных экстремистских тенденций / В.В. Бочарова // Социальная онтология в структурах теоретического знания: материалы IV Международной научно-практической конференции, Ижевск, 25-26 мая 2012 года. / Под общ. ред. О.Н. Бушмакиной, Н.Б. Поляковой, А.А. Шадрина. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2012. – С. 355-357 (0,3 п.л.).

Лицензия на издательскую деятельность
ИД № 06146. Дата выдачи 26.10.01.
Формат 60 x 84 /16. Гарнитура Times. Печать трафаретная.
Усл.-печ.л. 1,0 Уч.-изд.л. 1,1
Тираж 100 экз. Заказ 128

Отпечатано с готового оригинал-макета на участке оперативной полиграфии
Елецкого государственного университета им. И.А.Бунина.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина»
399770, г. Елец, ул. Коммунаров, 28